

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ПРАВДЫ

МОСКОВСКИЙ театр имени Ленинского комсомола показал пьесу Виктора Розова «В день свадьбы». На сцене — составленные во дворике столы, разномастные стулья, самодельная садовая мебель, выкрашенная казенной голубой красочкой, где-то в глубине верстак, за которым работает Миша. Над столом — гирлянды ярких бумажных цветов. По краям портала висят черные жениховский костюм на распялочке — с одной стороны, белое просвечивающее платье невесты — с другой. Вот и все.

Даже задника нет — просто открыта во всю свою глубину сценическая коробка. Оформление самое простое, какое мог бы сделать хоть драмкружок. Только вот этой глубины там бы не было. А она в спектакле, который поставил Анатолий Эфрос, очень важна.

И то, что происходит в пьесе, театр рассказывает опять же едва ли не с той же «кружковской» простотой. Ситуация самая понятная, от своей драматичности никак не теряющая своего житейского характера. Собираются справлять свадьбу, ставят тесто на пироги, ходят одалживать ножи, вилки по соседству. Невеста встречается во время беготни по магазинам свою старую подругу — та как раз вернулась из долгой отлучки в родной город. Оказывается, Михаил, жених, до сих пор любит эту, когда-то оставившую его девушку, и она тоже его любит. Нюру Салову, с которой Михаил должен завтра пойти в загс, он тоже любит — но совсем иначе: сердечно к ней относится, жалеет, не может обидеть.

Вот этой-то ситуации — такой простой, такой открытой пониманию — спектакль театра Ленинского комсомола сообщает редкую глубину.

АНТОНИНА Дмитриева играет Нюру Салову прежде всего точно. На сцене нет и намека на дом, где она живет, на фабрикомовский кабинет, где она работает, а все знаешь, все представляешь себе. Она отсюда, из этой семьи, по корням своим — рабочей,

но вроде бы уже и нерабочей: отец — в «вохре», брат — директор подсобного хозяйства, другой брат и вовсе учится на актера, сама Нюра уже несколько лет не у станка, а за служебным столом. Но Дмитриева дает большее. И уже одна точность ее повадки, сейчас чуть заторможенной от ожидания, от мыслей, дает многое.

Вот она входит во двор с подружкой. Подруга что-то там говорит о том, как они обе устали, сколько пар туфель перемерили, как искали и не нашли бусы... А в Нюре — Дмитриевой вовсе не усталость, а переполненность. Ни одного жеста, которые легко себе представить: ну, скажем, утирает лицо, спешит освободиться от пакетов, разувается, чтоб ноги отдохнули от каблук. Ничего этого. Только какая-то замедленная, большая, длая улыбка. И опять же не та, какую ждешь: не конфузливая улыбка невесты, краснеющей от обычных в эти последние часы перед свадьбой общих намеков и шуточек, не улыбка смущения или счастья.

Михаил, открываясь своему другу Василию, что любит Клавдию, говорит в пьесе: он в себе сейчас чувствует другого человека, более глубокого, более значительного, чем он сам, того человека, кем он мог бы стать и не стал. Нюра Салова этих слов не слышит и похожих не произносит. Но Дмитриева играет именно это. Она играет разом двоих: обычную Нюру и Нюру необычную; Нюру бытовую, славную, комичную и другую, в чем-то, если хотите, великую и трагическую. И когда Нюра — Дмитриева все с той же светлой, медленной улыбкой говорит жениху, что она видела сегодня Клавдию, что она пригласила Клавдию, что Клавдия придет непременно, это не тот случай, когда ничего не подозревающая, гордая своим женским везением невеста рада всех созвать в свой праздничный день.

«Другой человек» в Нюре, прозорливый и испытующий, страшный и печальный, — вот кто сделал этот поступок, опрометчивый и вовсе глупый с точки зрения обычной житейской логики, но единственно верный и единственно мудрый с точки зрения более высокой.

Мы отвыкли от громких слов в разговоре о театре, от слов «потрясающе», «поразительно», «необыкновенно». А Дмитриева играет как раз так — потрясающе, поразительно, необыкновенно. Потрясение рождается, вероятно, именно от мгновенного сближения самого что ни на есть бытового с самым что ни на есть трагическим.

ПЕРЕЛОМНОСТЬ минуты, ее напряжение — вот что всего важнее в спектакле. Эта переломность и напряжение связаны вовсе не только с тем, пойдет

ли завтра Миша в загс, не разладится ли все. Так обстоит дело разве для Николая, Нюрино брата, которого отлично сыграл В. Ларионов.

День свадьбы важен для героев и автора спектакля как высокая точка жизни, когда почти невольно иначе, честней все понимаешь. Тему эту несут не только Нюра — Дмитриева и Михаил — Ю. Колычев. Именно ею начинается спектакль Владимир Соловьев, который играет отца.

ПЕРВАЯ сцена, когда Салов перечисляет, что купить и приготовить, написана обстоятельно, драматург даже чуть похвально своей осведомленностью в этом колоритном меню, во всех этих коровьих ногах, студнях, винегретах, в ценах на зеленый лук и яйца. Но Салов — В. Соловьев, хозяин стола, для которого надо сделать закупки, диктует разом оживленно и машинально. Вроде бы он весь в хлопотах — переставляет стулья, поправляет скатерти, спрашивает и, не дослышав, что ответят, куда-то спешит. Его суетливость, беглость и словно бы произвольность движений, мелких, рассыпающихся, необязательных, в чем-то сродни духовному состоянию его дочери, тихому и высокому напряжению ее души. В вопросах, которыми он вдруг, конфузясь и посмеиваясь, атакует Мишу, есть в самом деле и конфузность, и неловкость, и наивность — дескать, скажи, что за человек, — но есть в них и другой смысл. Замечательно произнесет потом Салов — Соловьев фразу насчет того, что вот, может, на них всех, на этот дворик, где готовятся к свадьбе, смотрят «юпитеряне». Разговор вроде бы и сродни отвлеченным и простодушным беседам «об умном», какие здесь ведут порой, — и звучит совсем иначе. Для Салова — Соловьева важна эта возможность высоты и отдаленности точки зрения, важна высокая неэгоистичность понимания: как все это есть — не для меня, а на самом деле?..

И когда в конце спектакля, почти недоумевающе отстранившись от Миши, Нюра не сможет поцеловать его под крики «Горько!», когда она тихо выйдет из-за свадебного стола, а за ней побегут, не покая, и будут, уже понимая, все же тащить ее почти насильно обратно, и свое самое потаенное она скажет при всех, в общем переполохе, под молящее шиканье подруг, и закричит отчаянно, из самых глубин, раздирающе и освобожденно: «Отпуска-а-а-а-аю!», отец ее не станет останавливать. А медь вдруг грянувшего оркестра прозвучит здесь победоносно, как торжество той темы, с которой был начат спектакль: темы правды души, темы внутреннего согласия тебя самого с лучшим, чем ты можешь быть.

И. СОЛОВЬЕВА.

Труда, 1964, 28 мая